

ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ КОЛЛЕДЖ ЛГАУ
БИБЛИОТЕКА

Дыша одним дыханьем с Ленинградом ...

Блокада глазами писателей

ВИРТУАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА-ОБЗОР

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в истории и нашла свое отражение, как в отечественной, так и в зарубежной литературе.

Но блокада Ленинграда, навсегда останется отдельной главой, главой о непокоренном народе, о несломленном духе и о вере, что Война когда-нибудь закончится

Победой.

8 сентября 2021 года исполняется 80 лет со дня начала блокады Ленинграда.

Блокада города проводилась немецкими войсками с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года с целью сломить сопротивление защитников города и овладеть им.

27 ЯНВАРЯ -
ДЕНЬ СНЯТИЯ

**БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА**

Наступление фашистских войск на Ленинград, захвату которого германское командование придавало важное стратегическое и политическое значение, началось 10 июля 1941 года. В августе тяжелые бои шли уже на подступах к городу. 30 августа немецкие войска перерезали железные дороги, связывавшие Ленинград со страной. 8 сентября 1941 года немецко фашистские войска овладели Шлиссельбургом и отрезали Ленинград от всей страны с суши. Началась почти **900 дневная блокада города.**

Анна
Ахматова

Птицы смерти в зените стоят.
Кто идет выручать Ленинград?

Не шумите вокруг — он дышит,
Он живой еще, он все слышит:

Как на влажном балтийском дне
Сыновья его стонут во сне,

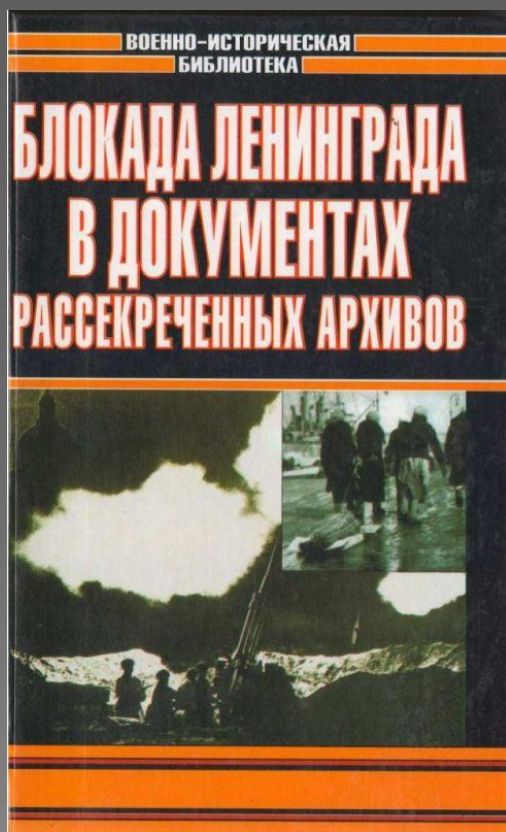
Как из недр его вопли: «Хлеба!»
До седьмого доходят неба...

Но безжалостна эта твердь.
И глядит из всех окон — смерть.

И стоит везде на часах
И уйти не пускает страх.

Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. – Москва : АСТ; Санкт-Петербург : Полигон, 2004. – 766 с. : ил. – (Военно-историческая библиотека).

Рассматривается ход битвы за Ленинград от её начала 10 июля 1941 г. до окончания 9 августа 1944 г. Показаны крупные операции, военачальники, руководившие боевыми действиями. Многие оценки и выводы о военном искусстве, состоянии войск, положении в блокадном городе и на оккупированной территории области, о других сторонах битвы за Ленинград читатели могут сделать сами на основе представленных в книге планов операций, решений Ставки Верховного Главнокомандующего, главнокомандующих видов и родов войск, командующих фронтами и армиями, оперативных директив, боевых приказов и распоряжений, переговоров по прямому проводу, боевых донесений, разведсводок и других документов и материалов.

В блокаде оказалось около 3-х миллионов человек. Ужасную участь готовил Гитлер Ленинграду. По плану Гитлера, города не должно было быть на карте мира. Он решил стереть с лица земли Ленинград. Предложено блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сравнять его с землей.

За время осады фашисты обрушили на город: 150 тысяч тяжелых снарядов, 5 тысяч фугасных, более 100 тысяч зажигательных бомб.

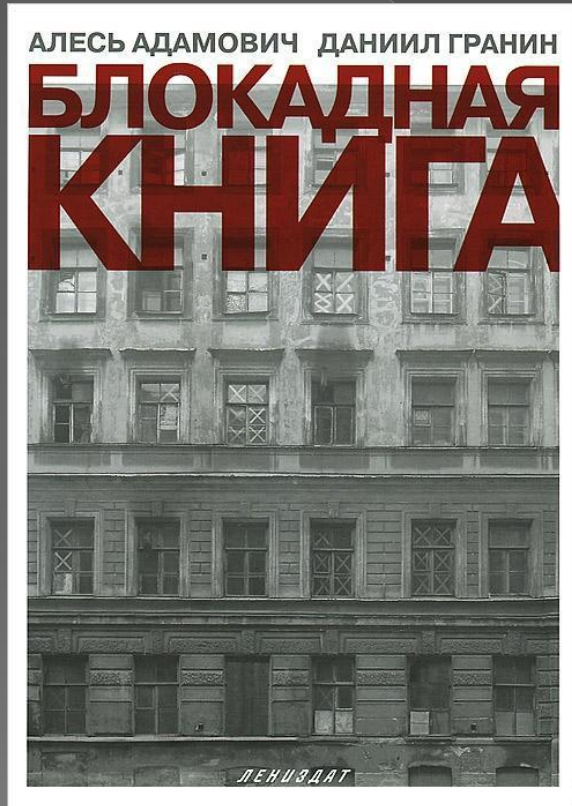
8 сентября, в день начала блокады, произошла первая массированная бомбардировка города. Вспыхнуло около 200 пожаров, один из них уничтожил

Бадаевские продовольственные склады.

Гитлер сделал ставку на голод. "Этот город надо уморить голодом. Перерезать все пути подвоза, чтобы туда мышь не могла проскочить. Нещадно бомбить с воздуха, и тогда город рухнет, как перезрелый плод", - цинично пророчествовал он.

Адамович А. Блокадная книга / А. Адамович, Д. Гранин. – Москва : РАГС, 2005.– 600 с. : ил.

На сегодняшний день одна из самых известных документально-публицистических книг о блокаде. Это документальное повествование двух известных писателей, основанное на дневниках и рассказах ленинградцев-блокадников, стало новаторским для своего времени. Правда «Блокадной книги» поразила читателей — оказалось, что кроме общих фраз у каждого была своя маленькая правда, свои переживания и своя трагедия. Это был новый взгляд на войну и на судьбу человека в ней. Истории «внутрисемейной и внутридушевной жизни людей» в осаждённом городе стали настоящим откровением — в советской литературе тогда не принято было говорить о частных судьбах и трагедиях. Часть книги впервые была напечатана с купюрами в журнале «Новый мир». На отдельное издание этой книги в Ленинграде был наложен запрет, в Ленинграде книга вышла только в 1984 году после смены партийного руководства города. Издание 2005 года представляет собой полный вариант, без цензурных купюр.

В истории осады Ленинграда самым трагическим периодом была зима 1941-1942 годов. Вся тяжесть легла на плечи рядовых ленинградцев. Город был лишен запасов продовольствия и топлива, вышли из строя водопровод и канализация. Не было электричества, и почти весь город погрузился во тьму. Дома не отапливались. Воду приходилось брать из прорубей. Осажденный Ленинград оказался почти без запасов продовольствия.

Запасы продовольствия таяли с каждым днем. С осени 1941 года начался голод. Была введена карточная система снабжения горожан продовольствием. Норма выдачи хлеба рабочим составляла 250 граммов, а служащие и дети получали по 125 граммов. Так маленьким ленинградцам пришлось вынести тяготы и лишения вместе со своим городом.

Вместо супа –
Бурда из столярного клея,
Вместо чая –
Заварка сосновой хвои.
Это б все ничего,
Только руки немеют, только ноги
Становятся вдруг не твои.
Только сердце
Внезапно сожмется, как ежик.
И глухие удары
Пойдут невпопад...
Сердце!
Надо стучать, если даже не можешь.
Не смолкай!
Ведь на наших сердцах –
Ленинград!
Бейся, сердце! Стучи, не смотря на усталость,
Слышишь, город клянется, что враг не пройдет!
... Сотый день догорал. Как потом оказалось.
Впереди оставалось еще восемьсот.

Ю. Воронов

Но гитлеровцы
просчитались.
Ни жестокие
бомбардировки
с воздуха,
ни артиллерийские
обстрелы,
ни постоянная угроза
смерти от голода
не сломили железной
воли
и патриотического
духа ленинградцев.

... Я говорю с тобой под свист
снарядов,
угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда,
страна моя, печальная страна...

Кронштадтский злой, неукротимый
ветер
в мое лицо закинутое бьет.
В бомбоубежищах уснули дети,
ночная стража встала у ворот.

Над Ленинградом - смертная
угроза...
Бессонны ночи, тяжек день любой.
Но мы забыли, что такое слезы,
что называлось страхом и мольбой.

Я говорю: нас, граждан
Ленинграда,
не поколеблет грохот канонад,
и если завтра будут баррикады -

мы не покинем наших баррикад.

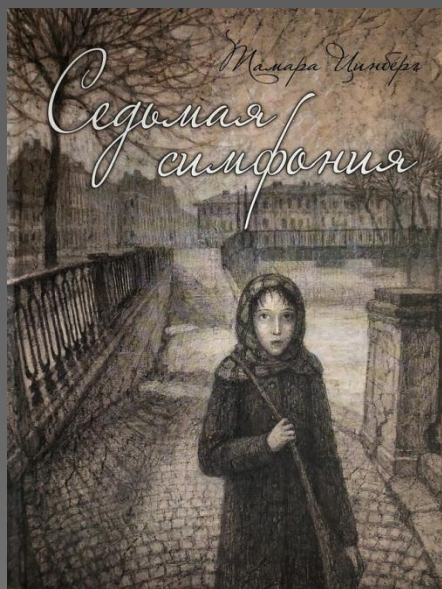
И женщины с бойцами встанут
рядом,
и дети нам патроны поднесут,
и надо всеми нами зацветут
старинные знамена Петрограда.

Руками сжав обугленное сердце,
такое обещание даю
я, горожанка, мать
красноармейца,
погибшего под Стрельною в бою:

Мы будем драться с беззаветной
силой,
мы одолеем бешеных зверей,
мы победим, клянусь тебе, Россия,
от имени российских матерей.

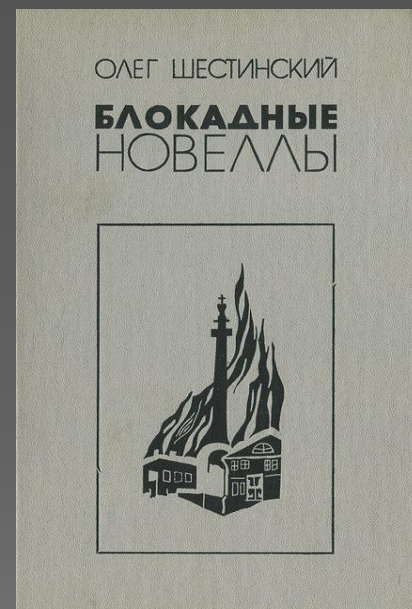
Ольга Берггольц

Об ужасах, творившихся в городе с 8 сентября 1941 по 27 января 1944 года, можно узнать из сухих выдержек историков, но полную картину способны дать только произведения отечественных писателей, многие из которых на себе испытали все невзгоды и лишения блокадного Ленинграда.

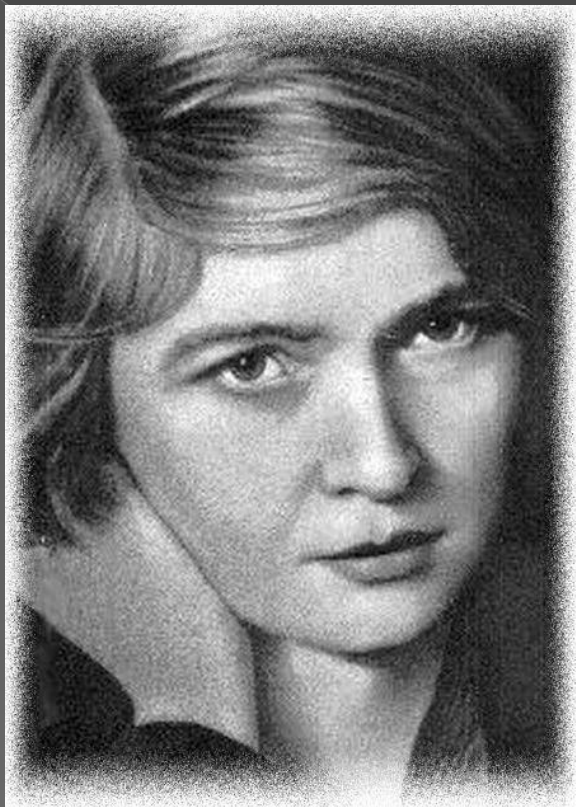
**«Седьмая симфония»
Тамары Цинберг,**

**«Блокадные новеллы»
Олега Шестинского,**

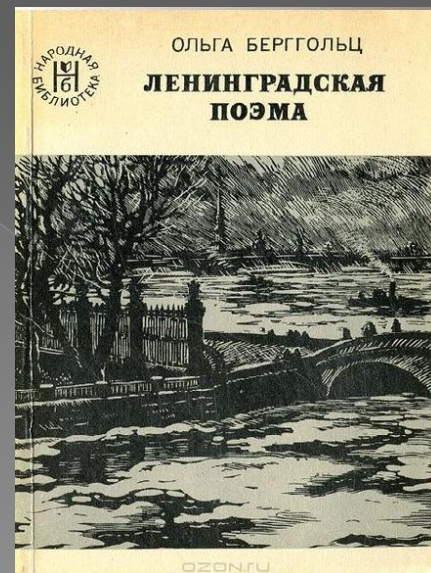
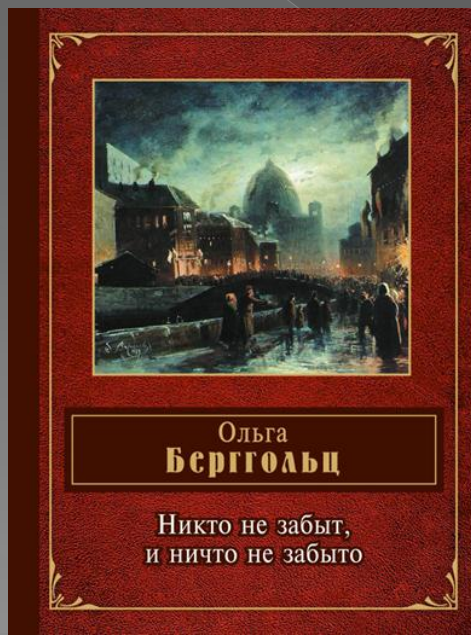
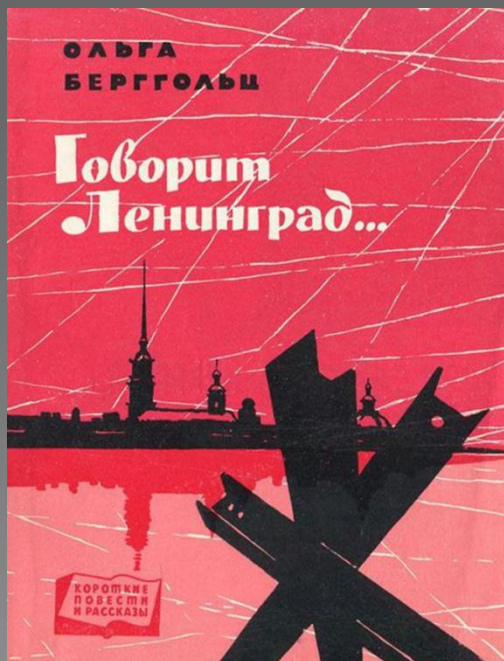
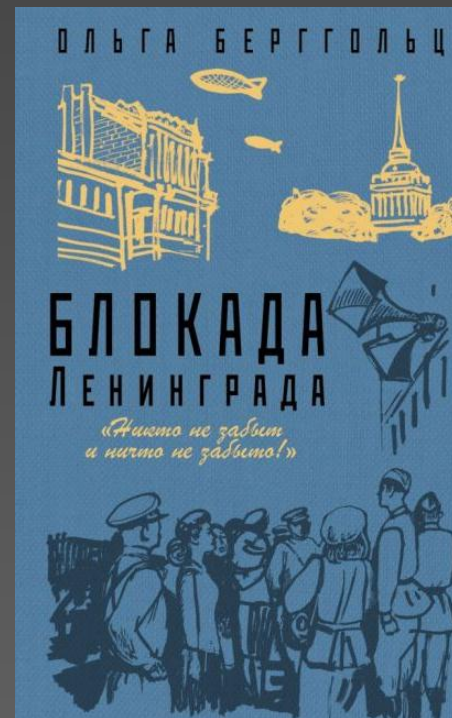
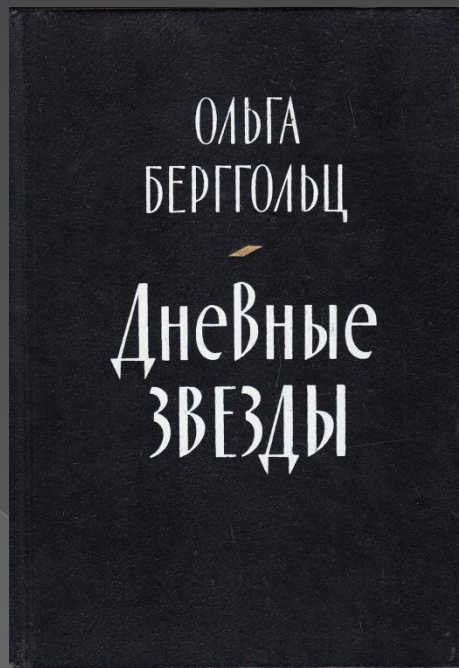
**«Почти три года.
Ленинградский дневник»
Веры Инбер**

и, конечно, **«Дневные звезды» Ольги Берггольц** – вот лишь те из многих произведений, которые со всей смелостью можно назвать «летописью блокадного Ленинграда», наполненную историями отдельных людей, трагедиями в конкретных семьях и подвигами хрупких женщин и детей. Ольга Берггольц, великая русская поэтесса и прозаик, на себе пережила все ужасы блокады.

Ольга Берггольц

Февральский дневник

1

Был день как день.
Ко мне пришла подруга,
не плача, рассказала, что вчера
единственного схоронила друга,
и мы молчали с нею до утра.

Какие ж я могла найти слова?
Я тоже — ленинградская вдова.

Мы съели хлеб, что был отложен на
день,
в один платок закутались вдвоем,
и тихо-тихо стало в Ленинграде,
Один, стуча, трудился метроном.

И стыли ноги, и томила свечка...
Вокруг ее слепого огонька
образовалось лунное колечко,
похожее на радугу слегка.

Когда немного посветлело небо,
мы вместе вышли за водой и хлебом
и услышали дальней канонады
рыдающий, тяжелый, мерный гул:
то армия рвала кольцо блокады,
вела огонь по нашему врагу.

А город был в дремучий убран иней.
Уездные сугробы, тишина.
Не отыскать в снегах трамвайных линий,
одних полозьев жалоба слышна.

Скрипят, скрипят по Невскому полозья:
на детских санках, узеньких, смешных,
в кастрюльках воду голубую возят,
дрова и скарб, умерших и больных.

Так с декабря кочуют горожане, —
за много верст, в густой туманной мгле,
в глуши слепых обледеневших зданий
отыскивая угол потеплей.

Вот женщина ведет куда-то мужа:
седая полумаска на лице,
в руках бидончик — это суп на ужин... —
Свистят снаряды, свирепеет стужа.
Товарищи, мы в огненном кольце!

А девушка с лицом заиндевелым,
упрямо стиснув почерневший рот,
завернутое в одеяло тело
на Охтенское кладбище везет.

Везет, качаясь, — к вечеру добраться б...
Глаза бесстрастно смотрят в темноту.

Скинь шапку, гражданин.

Провозят ленинградца.

погибшего на боевом посту.

Скрипят полозья в городе, скрипят...
Как многих нам уже не досчитаться!
Но мы не плачем: правду говорят,
что слезы вымерзли у ленинградцев.

Нет, мы не плачем. Слез для сердца мало.
Нам ненависть заплакать не дает.
Нам ненависть залогом жизни стала:
объединяет, греет и ведет.

О том, чтоб не прощала, не щадила,
чтоб мстила, мстила, мстила, как могу,
ко мне взывает братская могила
на охтенском, на правом берегу.

Как мы в ту ночь молчали, как молчали...
Но я должна, мне надо говорить
с тобой, сестра по гневу и печали:
прозрачны мысли, и душа горит.

Уже страданиям нашим не найти
ни меры, ни названия, ни сравнения.
Но мы в конце тернистого пути
и знаем — близок день освобождения.

Наверно, будет грозный этот день
давно забытой радостью отмечен:
наверное, огонь дадут везде,
во все дома дадут, на целый вечер.

Двойною жизнью мы сейчас живем:
в грязи, во мраке, в голоде, в печали,
мы дышим завтрашним —
свободным, щедрым днем.
Мы этот день уже завоевали.

Враги ломились в город наш
свободный,
крошились камни городских ворот.
Но вышел на проспект
Международный
вооруженный трудовой народ.
Он шел с бессмертным
возгласом
в груди:
— Умрем, но Красный Питер
не сдадим!

Красногвардейцы, вспомнив о былом,
формировали новые отряды,
и собирал бутылки каждый дом
и собственную строил баррикаду.

И вот за это — долгими ночами
пытал нас враг железом и огнем.
— Ты сдашься, трусишь, — бомбы
нам
кричали,
забьешься в землю, упадешь ничком...

Дрожа, запросят плена, как пощады,
не только люди — камни Ленинграда.

Но мы стояли на высоких крышах
с закинутою к небу головой,
не покидали хрупких наших вышек,
лопату сжав немеющей рукой.

...Наступит день, и, радуясь, спеша,
еще печальных не убрав развалин,
мы будем так наш город украшать,
как люди никогда не украшали.

И вот тогда на самом стройном
зданье
лицом к восходу солнца самого
поставим мраморное изваянье
простого труженика ПВО.

Пускай стоит, всегда зарей объятый,
так, как стоял, держа неравный бой:
с закинутою к небу головой,
с единственным оружием — лопатой.

5

О древнее орудие земное,
лопата, верная сестра земли,
какой мы путь немыслимый с тобою
от баррикад до кладбища прошли!

Мне и самой порою не понять
всего, что выдержали мы с тобою.
Пройдя сквозь пытки страха и огня,
мы выдержали испытание боем.

И каждый, защищавший Ленинград,
вложивший руку в пламенные раны.
не просто горожанин, а солдат,
по мужеству подобный ветерану.

Я никогда героем не была.
Не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
я не героизмовала, а жила.

И не хвалюсь я тем, что в дни блокады
не изменяла радости земной,
что, как роса, сияла эта радость,
угрюмо озаренная войной.

И если чем-нибудь могу гордиться,
то, как и все друзья мои вокруг,
горжусь, что до сих пор могу трудиться,
не складывая ослабевших рук.
Горжусь, что в эти дни, как никогда,
мы знали вдохновение труда.

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
где смерть, как тень, тащилась по пятам,
такими мы счастливыми бывали,
такой свободой бурною дышали,
что внуки позавидовали б нам.

О да, мы счастье страшное открыли, —

достойно не воспетое пока,
когда последней коркою делились,
последнею щепоткой табака,
когда вели полночные беседы
у бедного и дымного огня,
как будем жить, когда придет победа,
всю нашу жизнь по-новому ценя.

И ты, мой друг, ты даже в годы мира,
как полдень жизни будешь вспоминать
дом на проспекте Красных Командиров,
где тлел огонь и дуло от окна.
Ты выпрямишься вновь, как нынче, молод.
Ликуя, плача, сердце позовет
и эту тьму, и голос мой, и холод,
и баррикаду около ворот.

Да здравствует, да царствует всегда
простая человеческая радость,
основа обороны и труда,
бессмертие и сила Ленинграда.
Да здравствует суровый и спокойный,
глядевший смерти в самое лицо,
удушливое вынесший кольцо
как Человек,
как Труженик,
как Воин.

**Сестра моя, товарищ, друг и брат:
ведь это мы, крещенные блокадой.
Нас вместе называют — Ленинград;
и шар земной гордится
Ленинградом.**

Двойною жизнью мы сейчас живем:
в кольце и стуже, в голоде, в печали
мы дышим завтрашним —
счастливым, щедрым днем.
Мы этот день уже завоевали.

И ночь ли будет, утро или вечер,
но в этот день мы встанем и пойдем
воительнице-армии навстречу
в освобожденном городе своем.

Мы выйдем без цветов,
в помятых касках,
в тяжелых ватниках,
в промерзших полумасках,
как равные — приветствуя войска.
И, крылья мечевидные расправив,
над нами встанет бронзовая слава,
держа венок в обугленных руках.

В 1941-1943 годах во время блокады Ленинграда поэтесса Ольга Берггольц работала в Доме Радио, став голосом осажденного города, за что была неоднократно награждена. Созданные в эти годы произведения, посвященные защитникам Ленинграда, как нельзя лучше передают эмоциональное состояние жителей города.

Многим людям она дарила надежду, поддерживала и спасала. Ее называли, поэтом, олицетворяющим стойкость и мужество ленинградцев, **«блокадной Мадонной»**, **«музой блокадного Ленинграда»**. Это ей принадлежат строки, высеченные на граните Пискаревского мемориала: **«Никто не забыт, и ничто не забыто»**. Это она стала автором строк про **«сто двадцать пять блокадных грамм, с огнем и кровью пополам»**.

НОРМА ВЫДАЧИ ХЛЕБА на Декабрь

125 граммов хлеба
на целый
день.

Рабочие и ИТР	Служащие	Ученики	Дети
250 гр.	125 гр.	125 гр.	125

Ленинградская поэма

О, мы познали в декабре –
не зря «священным даром» назван
обычный хлеб, и тяжкий грех –
хотя бы крошку бросить наземь:
таким людским страданием он,
такой большой любовью братской
для нас отныне освящён,
наш хлеб насущный, ленинградский.

....Дорогой жизни шёл к нам хлеб,
дорогой дружбы многих к многим.
Ещё не знают на земле
страшней и радостней дороги...

Казалось, что конец земли...
Но сквозь остывшую планету
на Ленинград машины шли:
он жив ещё. Он рядом где-то.
На Ленинград, на Ленинград!
Там на два дня осталось хлеба,

там матери под тёмным небом
толпой у булочной стоят,
и дрогнут, и молчат, и ждут,
прислушиваются тревожно:
«К заре, сказали, привезут...» ...
А хлеб – две тонны? Он спасёт
шестнадцать тысяч ленинградцев»...

Шестнадцать тысяч матерей
пайки получают на заре –

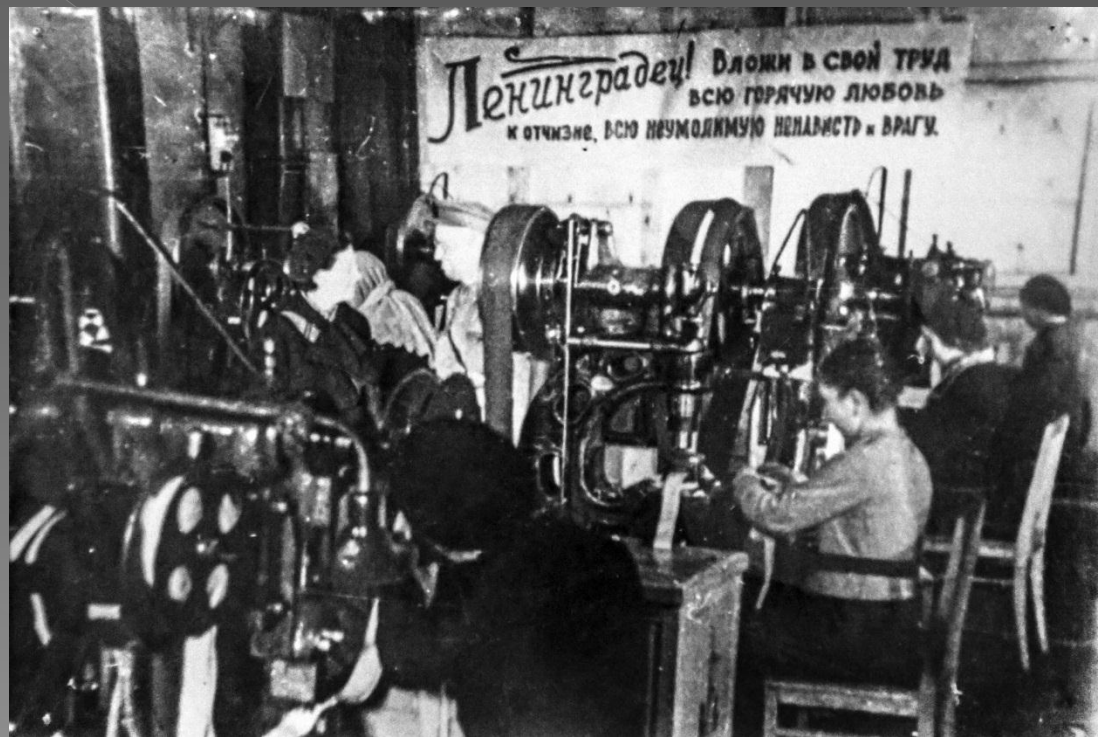
**СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ
БЛОКАДНЫХ ГРАММ
С ОГНЁМ И КРОВЬЮ
ПОПОЛАМ.**

Да, мы не скроем: в эти дни
мы ели клей, потом ремни;
но, съев похлёбку из ремней,
вставал к станку упрямый мастер,
чтобы точить орудий части,
необходимые войне.

Но он точил, пока рука
могла производить движения.
И если падал – у станка,
как падает солдат в сражение.

Но люди слушали стихи,
как никогда, – с глубокой верой,
в квартирах чёрных, как пещеры,
у репродукторов глухих.

Голос Ольги Федоровны стал голосом
истерзанного, но непобедимого Ленинграда.
Берггольц была внесена немцами в список лиц,
подлежащих немедленному уничтожению после
взятия города.

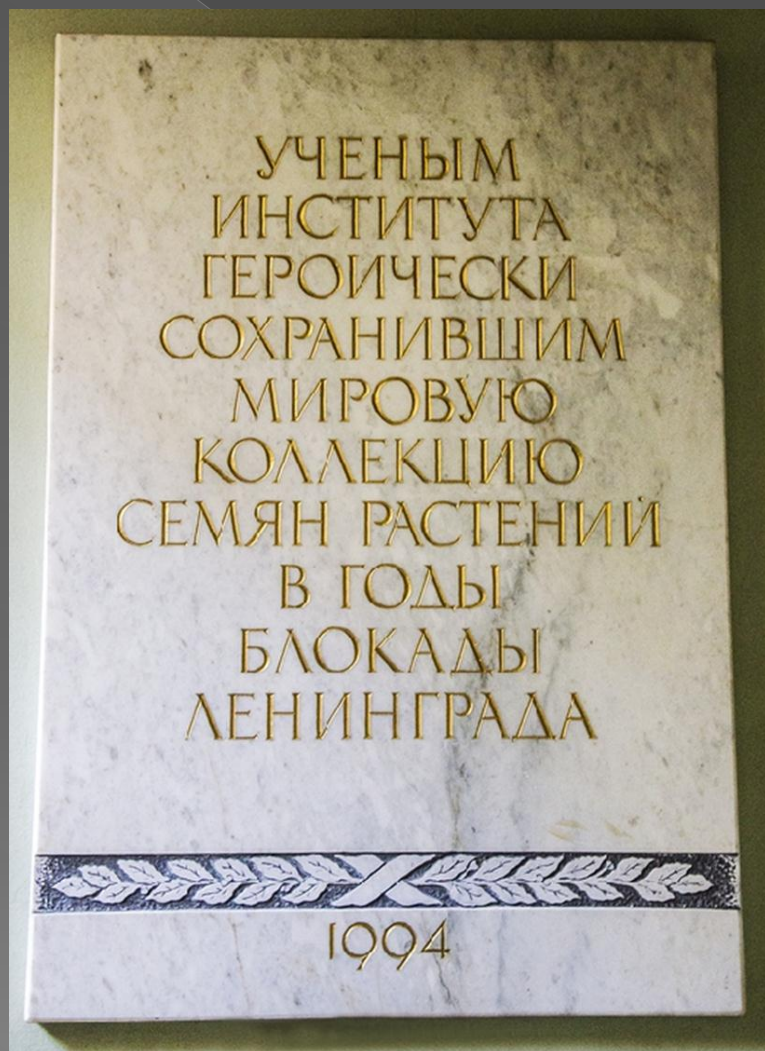

Первая блокадная зима. Люди обезумевали от голода, падали на ходу, десятки тысяч умирали от истощения.

А в это время в темных холодных комнатах на Исаакиевской площади, в доме с забитыми досками окнами было полно еды. В коробках и мешках лежали десятки тонн семян, клубней картофеля.

Но сотрудники Всесоюзного института растениеводства (ВИР), которые работали и урывками спали рядом, были так же голодны и истощены, как и все ленинградцы.

Они бредили едой, и все же никому из них даже не приходила в голову мысль съесть хотя бы горсточку зерен, чтобы спасти свою жизнь.

Из всего **селекционного** фонда ленинградского института, содержавшего несколько тонн уникальных зерновых культур более 200 000 образцов, во время блокады не было тронуто ни одного зерна, ни единого зерна риса или картофельного клубня.

28 сотрудников института умерли от голода,

но сохранили материалы, способные помочь послевоенному восстановлению сельского хозяйства.

К северу от города к концу ноября 1941 г. накрепко замерзли воды Ладожского озера. 22 ноября по прочному льду удалось наладить связь с Родиной через единственный район, не занятый немцами. Ее называли «Дорогой жизни». По ней доставляли бесценный груз продовольствия голодающим, вывозили беспомощных женщин и детей. Но в лучшем случае «Дорога жизни» могла обеспечить лишь одну треть потребностей города в продовольствии.

Несмотря на дикие атаки гитлеровской авиации, ледовая трасса действовала. За весь период действия «Дороги жизни» в Ленинград было доставлено свыше 1615 тыс. тонн груза, из города эвакуировано около 1376 тыс. человек.

Дорога жизни—во время Великой Отечественной войны единственная дорога через Ладожское озеро. В периоды навигации —по воде, зимой —по льду. Эта дорога связывала с 12 сентября 1941 по март 1943 года блокадный Ленинград со страной.

Сапаров А. В. Дорога жизни: Повесть о блокадном времени / А. В. Сапаров ; [Ил. : В. И. Чистяков]. – Москва : Сов. Россия, 1967. – 341 с.

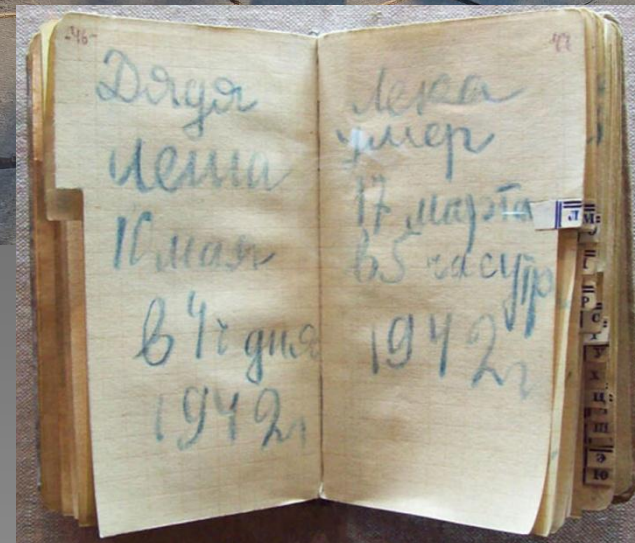
Ариф Васильевич Сапаров – советский писатель и журналист, военный корреспондент. Непосредственный участник и первый летописец героических рейсов по ледовой трассе — легендарной «Дороге жизни», связавшей осажденный Ленинград с «большой землёй». Свою книгу, Сапаров создавал опираясь на собственный опыт. Автору пришлось не раз на себе испытать, каково водить грузовики по льду под обстрелами врага, налётами бомбардировщиков, через неожиданно возникавшие полыньи и суровые морозы... При этом Сапаров не только как большинство блокадников страдал от голода и истощения, но и был болен туберкулёзом.

Весь мир знает историю семьи
ленинградской девочки
Тани Савичевой.

Это была обычная большая
ленинградская семья. Во время
блокады все члены этой семьи умерли
от голода. Об этом стало известно из
дневника, который вела Таня Савичева.

Меня
умерла
28 лет в
12³⁰ час
утра
1941г

Бабушка
умерла
25 лет.
31. мая
1942г

Мама
умер
17 марта
в 5 час
1942г

Дядя Ва-
-ся умер
в 13 лет
27 мая
1942г

Дядя
Лена
10 мая
в 4 дня
1942г

Мама
в 13 мая
в 7³⁰ час
утра
1942г

Савина-
-ва
умер-
-ла

Умер-
-ла
все

Остаток
одна
Татьяна

Светлана МАГАЕВА, Людмила ТЕРВОНЕН

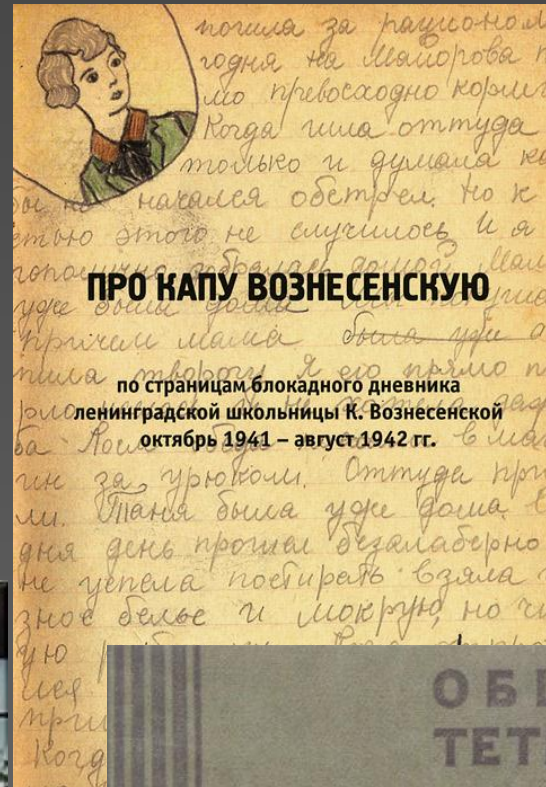
Дети блокадного Ленинграда

КАК ЖИЛИ • КАК ЛЮБИЛИ • КАК ВЕРИЛИ В СЕБЯ

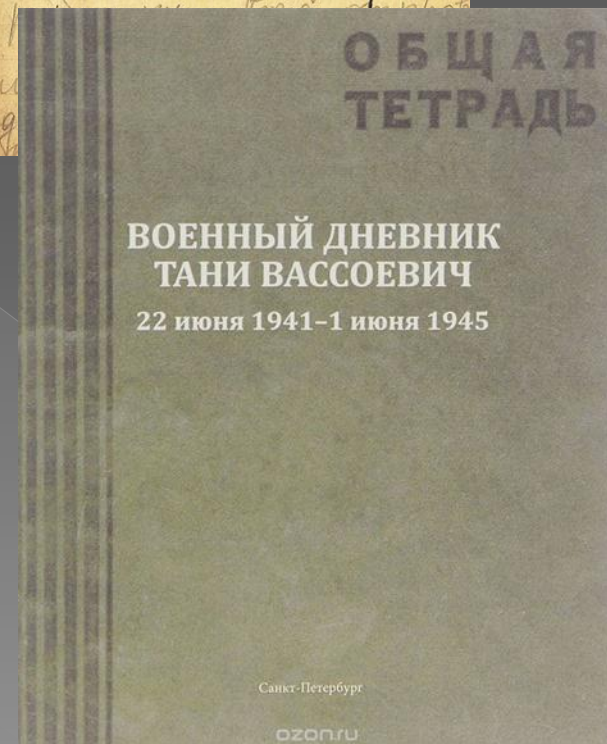
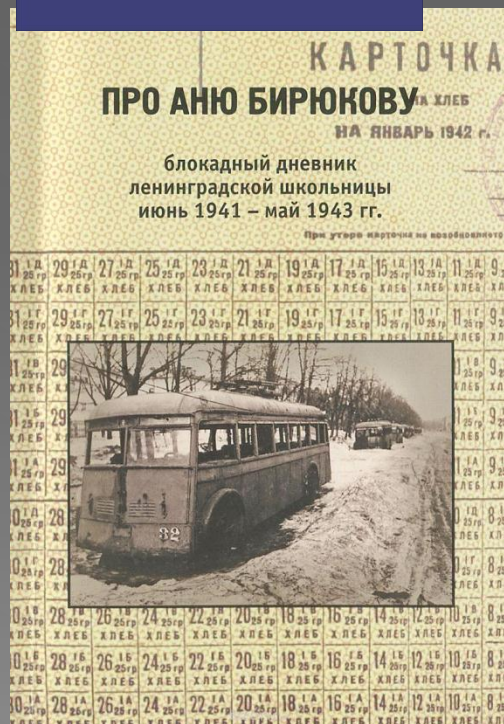
Школа жизни

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТЕЙ
БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

ПРО КАПУ ВОЗНЕСЕНСКУЮ

по страницам блокадного дневника
ленинградской школьницы К. Вознесенской
октябрь 1941 – август 1942 гг.

Но Ленинград не запросил пощады, хотя ему было неимоверно тяжело. Он боролся. Всеми видами оружия. Вероятно, гитлеровское командование решило бы, что весь город сошел с ума, если бы узнало, например, что в блокированном, голодном, обескровленном, казалось бы, городе продолжает работать Театр музыкальной комедии.

Единственный оставшийся в Ленинграде. И что театр ставит оперетты и не жалуется на отсутствие зрителей. Конечно, Ленинграду было в ту пору не до водевилей. Но театр работал, и город улыбался ему, благодарный за поддержку, потому что верил в победу.

Город-герой, ставший живой легендой.

В августе 1942 года оркестр Ленинградского радио исполнил **Седьмую симфонию Шостаковича**, посвященную великому городу. Из довоенного состава оркестра в живых к тому времени осталось 15 человек. Остальные, около 80 музыкантов, приглашенные по радио, пришли в зал филармонии из города, из армейских частей, с кораблей.

«Когда говорят пушки, музы молчат» – так утверждает старинный афоризм. В осажденном Ленинграде он не подтвердился. Жизнь была сильнее смерти, и город сражался с фашистами снарядами и музыкой, штыковыми атаками и кистью художника, точными выстрелами снайперов и метким словом поэта, резцом токаря и скальпелем хирурга.

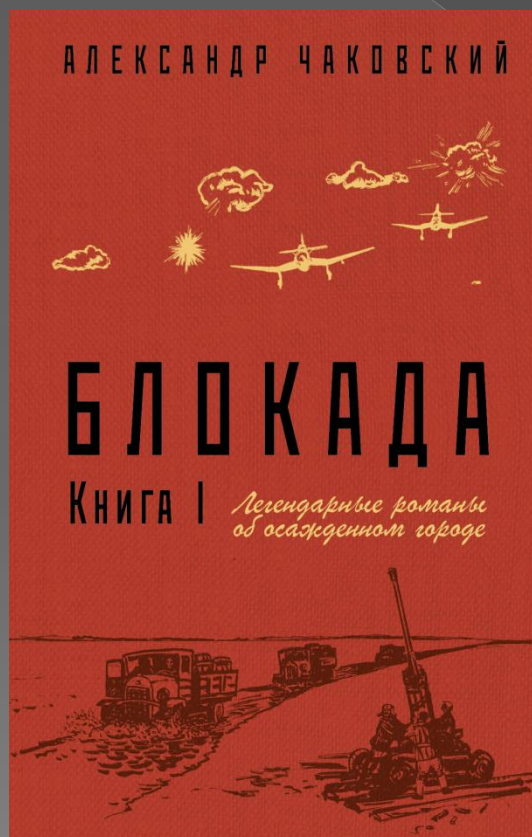

Человек из оркестра : блокадный дневник Льва Маргулиса / сост. А.Н. Крюков. — Санкт-Петербург : издат. группа «Лениздат» ; «Команда А», 2013. — 320 с.: ил

Записки скрипача, принимавшего участие в первом легендарном исполнении Седьмой симфонии Шостаковича в блокадном Ленинграде. Время записей охватывает самые трагические месяцы жизни города: с июня 1941 года по январь 1943 года. Комментарии составлены А.Н. Крюковым, исследователем музыкального радиовещания в Ленинграде периода Великой Отечественной войны и блокады, а также историком А.С. Романовым.

Чаковский А. Б. Блокада : роман. В 5-ти кн.
/ А. Б. Чаковский. – М. : Советский писатель,
1978. – 526 с.

Роман-эпопея повествует о событиях, предшествовавших началу войны, о первых месяцах героического сопротивления на подступах к Ленинграду, о наиболее напряженном периоде в войне -осени 1941 года, когда враг блокировал город Ленина и стоял на подступах к Москве. Заключительная книга романа-эпопеи "Блокада", охватывающая период с конца ноября 1941 года по январь 1943 года, рассказывает о создании Ладожской ледовой Дороги жизни, о беспримерном героизме и мужестве ленинградцев, отстоявших свой город, о прорыве блокады зимой 1943 года.

Ленинградскую беду

Руками не разведу,

Слезами не смою,

В землю не зарою.

Я не словом, не упреком,

Я не взглядом, не намеком,

Я не песенкой наемной,

Я не похвальбой нескромной

А земным поклоном

В поле зеленом

Помяну...

А. А. Ахматова

900 блокадных суток
Ленинграда – это не
просто подвиг.

Это подвижничество.
Единственное в истории
человечества.

Не сравнимое ни с чем.

Мы преклоняемся
перед вами,
Ленинград и
ленинградцы!

